

ПУБЛИКАЦИИ

Флёров В.А. Поверженный Молох // Педагогические известия. М., 1917. № 3 – 4. С. 11 – 22.

Автором публикуемой статьи является В.А. Флёров¹ – один из активных сторонников орфографической реформы, которой противостояли многие представители властных кругов. Она является своеобразным откликом на работу В.К. Житомирского «Молох XX в.», в которой русская орфография с ее «лишними буквами» и не имеющим опоры в современном языке церковнославянским наследием представлялась как пожиратель детских сил в ущерб их интеллектуальному развитию.

В.А. Флёров живописует состояние русской начальной школы, задавленной изучением списков слов с буквами **ѣ** («злой дух русской школы») и **ѳ**. Он выражает искреннюю радость по случаю начавшейся реформы, которой «так страстно желало и добивалось всё мыслящее передовое общество, все любящие родину, видящие в просвещении ее силу»; в результате которой «свергнут Молох, ежегодно и ежечасно пожиравший миллионы детских сил и детских радостей», исключена буква **ѣ**, «самая злосчастная, ненавистная буква, губившая тысячи дарований и жизней», и «другие правила и наросты» русской орфографии.

Статья написана в тот период 1917 г., когда уже были изданы доктятбрьские документы к проведению реформы русской орфографии («**Постановления** совещания при Академии наук, принятые 11 мая 1917 г.» и **два циркуляра** Министерства народного просвещения к ее проведению – майский и июньский), но еще не свершились события 25 октября, которые существенным образом изменили тактику и стратегию проведения и надолго вселили в сознание народа мысль о ее большевистском характере.

I

Это было начало, светлое, живое начало, которое, однако, не было воспринято в то время ни печатью, ни школой. Но толчок был дан, семена посеяны, и они дали живые ростки среди тех, кому были близки и дороги интересы просвещения, кому приходилось собственным потом и кровью бороться с народной темнотой и собственной подоплекой чувствовать те пути, которые представляют собой в этой борьбе «яти» нашего правописания. Я говорю о русском учительстве. Не об учительстве средней школы говорю я, которое, волей или неволей, в силу тех или иных условий, в своей массе

¹ Всеволод Александрович Флёров – известный педагог-русист и деятель народного образования конца XIX – начала XX века; методист по начальному обучению, последователь К.Д. Ушинского, автор известных в свое время лингводидактических работ: Новый русский букварь для обучения чтению и письму. М. – П., 1923; Наглядность письма в освещении современной психологии. М., 1923 и др.

пользовалось этими путями для сортирования детей на счастливых и несчастных и для выкидывания последних за борт... Оно мало мучилось муками детей, долгими годами и изнурительными усилиями преодолевавших эти «яти», «еры» и «фиты». Мучилось этими муками, плакало детскими слезами учительство народной школы, и вот сюда, на эту благодатную почву пали семена и идеи упрощения правил письма.

С девяностых годов я ежегодно в разных концах нашей родины работал на учительских курсах и съездах и везде, где бы и по какому бы вопросу ни собирались народные учителя, – везде сам собой выдвигался вопрос о правописании, везде слышался горячий протест, вернее сказать, искренний вопль учительской души против господства в школе орфографии, но, конечно, прежде всего и больше всего, против злосчастной буквы **ђ**. В этом вопле сказывался весь трагизм положения русского учителя – нищего, бесправного, придавленного учителя, который, перенося всяческие лишения и ежедневно корпя с детьми над тетрадами в невозможных условиях, сознавал, что он не просветляет умы этих деток, несет в народ не свет и знание, а вдальблывает в живые детские головы ненужную народу орфографию, быстро и бесследно теряемую ими по выходе из школы. Буква **ђ** душила и учителя, и ученика, мертвила школу и всю школьную жизнь – сверху и до самых низов.

II

Властный тон давался, конечно, верхами. Достаточно вспомнить о распоряжениях по этому вопросу злого гения русского просвещения гр. Дмитрия Толстого, артистически пользовавшегося всякими средствами для проведения системы притупления. Распоряжения эти, надо заметить, и до сих пор действуют. Я говорю о правилах для экзаменов на аттестат зрелости, по которым тот, кто держит этот экзамен, то есть, кто прошел 8 классов гимназии, какие бы баллы он ни имел в году, каких бы пядей ни был во лбу, не допускался к устным испытаниям, коль скоро в письменной работе им допущены орфографические ошибки. **ђ** и орфография превыше и дороже всего: оно первое и надежное мерило умственной зрелости!.. Впрочем, это мнение перешло и к нашему обществу (попробуйте в своем письме поставить **ђ** не на своем месте!), оно сделалось обычным для многих педагогов и профессоров... Читали ли вы профессорские отзывы о письменных работах державших на аттестат зрелости? В них, прежде всего, идет подсчет ошибок на букву **ђ**, и на основании этого подсчета разрисовываются ужасы студенческой безграмотности, неподготовленности и т. д. А следом за этими отзывами шли новые и новые циркуляры министра об усилении занятий по орфографии. И в средней школе вновь начинали подстегивать преподавателей, еще выше поднимали пьедестал школьного Молоха, еще беспощаднее приносили ему в жертву и детские знания, и детские радости, и детские жизни. Но вскоре оказывалось – по новым профессорским отзывам – правописание у абитуриентов стало еще хуже, и сыпались новые циркуляры, новые строгости. Образовался какой-то сплошной кошмар, давивший и душивший школу и всякое проявление жизни в ней, создался какой-то заколдованный круг, в центре которого царственно темнела буква **ђ**, «злой дух» русской школы.

Этот кошмар окутал темнотой и мукой и низшую народную школу. И здесь в правилах об экзаменах тем же злым гением школы Д. Толстым вы-

двинуты были на первый план диктовка и правописание, и ребенок, как бы он ни был талантлив, как бы для своего возраста бы ни был сведущ в школьных науках, отнюдь не допускался к устным испытаниям, коль скоро он допустил ошибки в диктовке. Здесь кошмар сказывался еще сильнее, ибо он роковым образом отражался на всей работе начальной школы и на всех детях народа. Припомним, что по тем же правилам главным экзаменатором в школе являлось лицо, не имевшее никакого отношения к педагогике и школе: приезжал исправник, земский начальник, член управы, иногда и сам, едва разбирающийся в грамоте, и первое, на что обращал внимание такой экзаменатор, – это диктант и орфографические ошибки. Надо немало знать и понимать, чтобы определить степень знания и развития ученика, а проверить диктовку по книге всякий в силах, и подчеркивание ошибок, подсчитывание попавших не на свое место ятей – составляло первое и самое простое дело. Создался и в народной школе культ буквы **ђ**. Не одолевшему этой буквы ребенку приходилось возвращаться опять в школу или уходить без свидетельства; учитель, не натаскавший детей в безошибочном письме, попадал в разряд плохих, лишался награды, смещался в плохие училища и т. д.

Приходилось невольно налечь на письмо, на диктовку, на **ђ**! Чтению отводилось 3 часа в неделю, а диктовке 9 часов. С утра до сумерек в школе висела в воздухе грозная **ђ**, отодвигая все другие занятия и интересы на задний план. Орфография душила и давила школу, учителя, ученика. И если в средней школе она нужна для того, чтобы перейти в высшее учебное заведение или чтобы не ударить лицом в грязь среди интеллигентного общества, имеющего свои предрассудки, то в народной школе ни таких задач, ни таких оправданий для ужасов орфографии не было: написавшие безошибочно диктовку весной уже к осени забывали правила и употребляли **ђ** там, где им это нравилось. Ненужность этой буквы, этих правил, всего затраченного на них времени, всех убитых на это усилий, мук, слез – слишком ясна была для каждого вдумчивого учителя... А громаднейшее зло, причиняемое этими усилиями, притуплявшими детские силы, мертвившими школьную жизнь, не дававшими простора для образовательных занятий – слишком было очевидно и ощутительно... И понятно, почему именно здесь, в народной школе, среди работников ее, наиболее чувствовался и будировался протест против орфографии, требование упрощения ее и прежде всего изъятия из алфавита буквы **ђ**.

III

Этим протестом заражались и проникались все, кто имел живое общение со школой, за исключением лишь тех, кто добровольно или невольно задавался целью душить школу, тормозить демократизацию просвещения.

Выдвинулось много лиц среди педагогов и общественных деятелей, выяснявших ненормальную постановку орфографии в школе и борющихся с этим коренным злом ее. Редкая книжка педагогического журнала не заключала в себе статьи или заметки, клеймящей это зло как намеренное орудие царившего обскурантизма. Не было ни одного крупного педагогического имени, с которым бы не соединялось представление горячего протеста против этого зла. Чувствуя бессилие низвергнуть установившееся господство орфографической рутины, поддерживаемой правительственным режимом,

такие педагоги, как Бунаков, Шереметевский и т. д., работавшие в эпоху наибольшего давления правительства на школу, горячо призывали и общество, и учителей – терпимо относиться к ошибкам детей... Тщетно они взывали!

Очень интересную в этом отношении картину представлял собою Съезд деятелей по народному образованию в Москве в марте 1901 года, когда мною внесен был доклад под заглавием «Буква **ђ** в народной школе», основным тезисом которого было: «Пора освободить нашу школу от буквы **ђ** как главного тормоза ее образовательной работы». Съезд носил официальный характер, имел председателем попечителя учебного округа, состоял почти исключительно из экзаменаторов народной школы, директоров и инспекторов народных училищ, председателей училищных советов (предводителей дворянства), председателей земских управ. Доклад был принят вполне сочувственно, единодушно, рукоплесканиями. Но когда я внес предложение возбудить ходатайство «о признании буквы **ђ** необязательной в курсе начальной школы», то встретил неожиданный отпор от той группы, от которой меньше всего можно было ожидать – от группы дворян, глава которой (М.А. Стахович) не постеснялся назвать такое предложение даже наивным»...

IV

Никакие вопли и протесты, никакие доводы и аргументации – ни все-российского учительства, ни общественных групп, ни самоуправлений, ни выдающихся педагогов и ученых, ни народных избранников – ничто не могло воздействовать на царское правительство, которое справедливо видело в этом движении стремление к освобождению школы от давивших ее пут, к демократизации знания и справедливо признавало в этих «ятах» и «ерах» оплот для своего господства, одно из средств для задержания роста народной мысли. Эти ненавистные «яти» и «фиты» стали эмблемой обскурантизма и прогнившего режима; они мыслились не иначе, как орудие этого царизма, орудие, которым он силился задержать духовный рост молодых поколений, рост нации. И разве могло иначе произойти, когда рухнул этот режим, когда революция смела все преграды к осуществлению исконных чаяний и надежд демократии? Разве с падением полицейского строя не должны пасть и все его эмблемы и орудия, все те путы и оковы, которыми он сковывал народное просвещение? И разве хоть один час могла потерпеть существование подобных пут народная совесть?

С первых же дней февральского переворота со всех концов России полился в Министерство народного просвещения и к новому правительству целый поток требований и настойчивых ходатайств об упрощении орфографии. Во множестве ходатайств, последовавших от революционных комитетов, советов, съездов и т. д., в самой поспешности, с какою они были заявлены вслед за переворотом, с особою яркостью сказывается, что в «ятах» и «фитах» передовое демократическое русское общество отчетливо видело одно из самых злостных орудий царизма, одно из самых сильных препятствий к демократизации школы и знаниям. И могло ли иными глазами посмотреть на это давно признанное зло революционное правительство, революцией обновленное Министерство? Могло ли оно не поспешить отряхнуть прах старого режима от ног своих? В большой плюс Министерству Мануйлова и Герасимова надо поставить, что оно, во многих преобразованиях медленное и осто-

рожное, в вопросе об орфографии оказалось чуткое и решительное. Вслед за постановлением особого совещания при Академии наук (11 мая 1917 г.) Министерство без колебаний сделало распоряжение об обязательном введении упрощенного правописания.

Свершилось! Свергнут Молох, ежегодно и ежечасно пожиравший миллионы детских сил и детских радостей! Исключена буква **ѣ**, самая злосчастная, ненавистная буква, губившая тысячи дарований и жизней! Исключены и другие правила и наросты в великом русском языке, препятствовавшие ему развиваться и расти в наших детях, в светлом будущем России. Свершилось то, чего так страстно желало и добивалось всё мыслящее передовое общество, все любящие родину, видящие в просвещении ее силу.

V

Как встречена реформа? Надо ли говорить, как встречена реформа теми, кто так мучительно ждал и боролся за нее, — русским учительством. Трудно описать тот восторг и энтузиазм, которыми сопровождалась весть о реформе на съездах, в собраниях, комитетах народных учителей. Где мне пришлось быть свидетелем, это было сплошное искреннее ликование, которое затем, с наступлением учебных занятий, перенеслось и в школы, в среду сотни тысяч детей народа. По имеющимся сведениям, ни отсутствие букварей с новым правописанием, ни отсутствие переработанных книг для чтения и новых грамматик, ни, наконец, сложившиеся уже навыки письма у учеников старших классов — ничто не остановило учителей начальной школы перед немедленным введением упрощенного правописания. И беспощаднее всего отнеслись к букве **ѣ** не столько учителя, сколько дети. Наблюдается, что у детей легче всего прошло изъятие буквы **ѣ**: пишут в этом отношении безошибочно... Я не слышал о каких-либо исключениях по отношению к реформе среди народных учителей. Не думаю, конечно, чтобы не было между ними защитников старой орфографии, но верится, они не решаются нарушать наступившего великого праздника в дорогой им школе или не в состоянии внести диссонанс в общий громадный подъем, охвативший учительскую среду, в которой реформа орфографии теснейшим образом слилась с революцией.

На Всероссийском съезде учителей высшей начальной школы (в июле 1917 г.) явился один защитник старой орфографии, но едва ли не остался с одним своим голосом, дав лишь повод к восторженным овациям проф. Сакулину, явившемуся на съезде выразителем общего подъема в пользу упрощения.

Далеко не так сочувственно встречена реформа средней школой, о чем можно судить по газетным заметкам и по отзывам с мест. Еще не стих в ушах тот гром аплодисментов тысячной аудитории Всероссийского съезда преподавателей русского языка, когда единодушно принята была резолюция о необходимости упрощения орфографии: так было это недавно. А когда пришла желанная реформа, послышались жалобы на нежелание родителей, на отсутствие пособий и руководств, отпечатанных по новой орфографии, на сложившиеся привычки у учеников, на нежелательность ломки и т. д. Все это до известной степени верно, и все же приходится отметить какую-то косность и вялость, граничащую с нежеланием... Говорю, конечно, о массе, а не об отдельных лицах из педагогического персонала средней школы. Мы, конечно,

понимаем, что **ђ** и вся орфографическая рутина далеко не так затрудняла учителя средней школы, как учителя низшей. При том громаднейшем конкурсе, какой существовал и существует при поступлении и передвижении из класса в класс в гимназиях и реальных училищах, учителю не приходилось прилагать много сил к внедрению орфографии в детскую память: дети приходили уже с готовыми «ятями» в головах, и те, у которых оказывались какие-либо изъяны, легко заменялись новыми. Потому-то здесь учителю не приходилось так болеть сердцем. К тому же в среднюю школу попадали только избранные, и усвоение всех тонкостей правописания имело для них определенную цель – продолжение образования. В силу этого **ђ** свила в средней школе более прочное гнездо. Нельзя позабывать и то, что в данный момент ученики уже владеют старой орфографией и усвоение новых правил требует некоторых усилий. Сказывается тут и непривычка преподавателей, из которых некоторые сами в шутку говорят: «Скучаем мы без ять». Тем с большим уважением мы должны приветствовать те средние школы и тех преподавателей и учеников в них, которые восприняли всю важность реформы и, не останавливаясь пред новой работой, смело последовали новым правилам письма. А таковых все же немало!

VI

Но что было совершенно неожиданно, это та холодность, иногда враждебность, а иногда и возмутительная пренебрежительность, с которыми встречено было распоряжение Министерства периодическою печатью и некоторыми литераторами. Что журналы и газеты не перешли к новому правописанию и не помещают даже отдельных статей, написанных по упрощенной орфографии, это до некоторой степени понятно; это можно объяснить техникою печатанья и без того затрудненного современными условиями типографской работы. Но совершенно непонятно, каким образом крупные передовые газеты, всегда высоко державшие знамя демократизации просвещения, даже газеты, принадлежащие к социалистическому лагерю, могли поместить на своих страницах статьи, полные какого-то дешевого шутовства и барского глумления над новой реформой, – над той реформой, которая так долго вынашивалась и выковывалась в общественных и демократических слоях, как одна из желанных мер борьбы с народной тьмой. Каким образом наша седьмая великая и прогрессивная держава – печать приняла под свою защиту то, что царское правительство почитало оплотом своего полицейского режима, оплотом той темноты народной, на которой он покоился? Тут кроется какое-то глубокое недоразумение, сказываются те ничем не объяснимые противоречия и абсурды, которые так свойственны русской действительности...

Не менее утешительны и те возражения, которые в серьезном виде приводились против нового правописания на страницах периодической печати. Большинство из них обнаруживают очень слабое знакомство с вопросом об орфографии и с историей этого вопроса, еще меньше с законами развития живого языка и его взаимоотношением с письменностью. Рассчитанные на неосведомленного читателя, они производят комичное впечатление своим серьезным тоном и длинными разглагольствованиями якобы научного характера. Вот, напр., один московский публицист, с удивительною легкостью оперируя научными терминами, доказывает, что напечатанные по новому

правописанию статьи производят впечатление «не русского языка, а варварского». Как будто газетный писатель и знает только одни печатные или письменные тексты и по ним судит и ценит язык, не догадываясь, что тот русский язык, который живет в устах миллионов русских людей, не знает букв, и изъятие или перемены букв никакого влияния или отношения к нему не имеют. Пора бы об этом знать каждому гимназисту...

Не менее комичное впечатление производят те страхи, которые рисовывались умелой рукой одного из популярных поэтов, утверждавшего, что при введении упрощенного правописания, основанного якобы на звуковом принципе, благодаря крайнему разнообразию русских говоров для каждой губернии придется печатать свои книги. Действительно, говоры у нас очень разнообразны, одни и те же слова произносятся в разных местах, иногда в соседних селах, различно, и проведение фонетического правописания (пиши как слышишь) грозило бы нам громадными трудностями при общении, разбило бы нас, всю Россию – без всяких автономий, – на отдельные группы, отлично понимающие друг друга в устной речи и взаимно не понимающие в переписке, в печати. Страхи, по-видимому, основательные! Но совершенно излишни. Новое правописание совсем не имеет в виду базироваться на произношении и так же далеко остается от полного фонетизма, как и старое. Оно выкидывает лишь лишние, то есть вторые, буквы (*ђ*, *і*, *ѳ* и *ъ* на конце слов) и упрощает написание некоторых окончаний главным образом путем тоже устранения лишних, то есть вторых, как напр., *аго*, *ея*, *онђ* и т. д., оставляя в полной силе те принципы (исторические, этимологические и фонетические), на каких зиждилось наше правописание раньше. Остается в силе основное положение литературной письменности, имеющее в виду демократизацию ее, – это то, что каждое слово имеет одно написание, независимое от местных говоров, и вся письменность имеет твердые (неизменяемые) формы, благодаря чему для всех местностей и говоров, для всего русского языка – и при новом правописании – остается один письменный язык. И все страхи, которыми запугивалось воображение русского обывателя, остаются на совести популярной газеты... Надо заметить, что упрощение орфографии осуществлено в весьма скромных размерах. И если мы сравним эту реформу с теми изменениями, которые выработала в 1904 и 1912 году орфографическая комиссия при Академии наук, то увидим, что многие из этих изменений были откинута и оставлены лишь те, которые, как я сказал, освобождая нашу письменность от лишних букв, не затрагивают самых основ построения ее. Благодаря этому и самое усвоение нового правописания – как в письме, так и в чтении – не представляет никаких трудностей.

Я не буду останавливаться на других возражениях подобной же компетентности, вроде того, что-де реформа, проведенная Академией наук, не имеет основ в истории нашей письменности и является якобы революционным актом, непоследовательным и незакономерным, и т. д. Почтенным авторам подобных возражений хочется сказать: да загляните в «Русское Правописание» Д.Н. Ушакова, выясните хотя чуть-чуть трактуемый вопрос и во всяком случае не надевайте маски учености и не вводите простецов в заблуждение. А главное, за этими длинными столбцами глубокомысленных рассуждений и доказательств не забывайте о тех, кто корпит целыми днями и годами

над усвоением орфографии – о русском ребенке, о миллионах наших детей, которые наконец освобождаются от необходимости лучшие свои годы, лучшие свои силы убивать на внедрение в свою память никому и ни для чего не нужных букв. Не забывайте детских слез, густо оросивших эти злосчастные «яти», «еры» и «фиты».

Не могу я умолчать, однако, об одном возражении, в котором недоразумение – невольное или вольное, не знаю – дошло до геркулесовых столпов. Признаюсь, краска стыда залила меня, когда мне пришлось читать уверения некоторых художественных натур, будто эти лишние буквы, которые так будто бы варварски устраняются из русского алфавита, удержались в нем в силу «естественного подбора» и их никоим образом нельзя выкинуть, не уничтожив внешней законченности и красоты написания слов. Законченность, красота, изящество и даже не языка, не слова, а написания его... и это тогда, когда рядом с нами свыше ста миллионов безграмотных сородичей и вопрос об облегчении им подступа к культуре – вопрос жизни и смерти нации; это тогда, когда история выдвигает на первый план необходимость экстренных, чрезвычайных мер к просвещению масс, когда миллионы детей потянулись в школы за светом, за знанием. И этим миллионам неграмотных взрослых, этим миллионам тянувшихся в школу детей мы должны дать вместо хлеба камень, и только потому, что он имеет вид законченности и красоты... И давно ли наши поэты стали чувствовать «красоту в написании»? Просмотрите рукописи Пушкина, Гоголя, Толстого – где эта «красота написания»? Ведь идя последовательно, можно дойти до утверждения, что самый красивый – язык конторских книг, где написание слов вроде *рондо* наиболее законченное и красивое... А не потому ли и наш величавый, могучий и красивый язык так заостенел, побледнел, потускнел, что в нашей школе доселе занимались более написанием, чем самым языком, что там изо дня в день душили и давили всякую живую мысль и яркое слово бессмысленной диктовкой, списыванием, заучиванием правил и т. д. – и все ради «законченного» написания!.. И я верю, что он снова будет и величавым, и могучим, и тонким, и глубоким, и прекрасным языком, и именно тогда, когда он освободится от лишнего пут написания, когда цениться он будет с той стороны, с которой ценился великим мастером слова Тургеневым, когда он свободно будет отображать в себе величие, глубину и красоту русской народной души.

VII

В сущности, в основе всех возражений лежит приверженность к старому, сложившаяся привычка и некоторая пассивность, препятствующая многим отрешиться от личных удобств. Не надо скрывать от себя, что эта протестующая против всякой новизны пассивность, коренящаяся в выросших психологических функциях у всего грамотного населения, представляет наиболее сильную опасность и препятствие в распространении и упрочении нового правописания. У всех нас, читающих и пишущих, образы печатных или письменных слов слились с самыми мыслями и представлениями, как их символы, и вот поэтому-то мы так легко и свободно воспроизводим при чтении мысли и так же легко выражаем их в этих образах на письме. Привыкли глаза, привыкла рука к определенным написаниям. Новое правописание дает новые образы-символы, непривычные для глаза и руки, и потому как воспро-

изведение по ним мыслей, так и запись их – требует некоторой работы, усилий. Когда мы видим фразу: «*лишь рѣдѣть*», то без всякого усилия представляем целую картину, написание же: *лес редет* – своею новизною заставляет вмотреться, перевести его на устный язык и таким путем осмыслить. Эти усилия задерживают работу, отвлекают от содержания, вызывают досаду и протест. Для большинства они кажутся ненужными, лишними. И если бы судьба реформы зависела только от интеллигентной и полуинтеллигентной публики, привыкшей уже пользоваться книгой и пером, мы очень тревожились бы за ее успех. Трудно надеяться, что эта публика легко поступится своими приобретениями в пользу будущего поколения... Но мы живем в эпоху революционную, настраивающую даже пассивные части населения к переменам, это во-первых, а во-вторых, в настоящую пору наблюдается громадное движение к усвоению нового письма и чтения среди миллионных масс неграмотного и малограмотного населения: и школы детские, и школы для взрослых переполнены учащимися, и вот для них новые упрощенные написания явятся наиболее легкими для усвоения и пользования, и вот эта-то масса со всеми своими ближайшими руководителями явятся надежными защитниками реформы.

Надо признать, что и для лиц, уже владеющих навыком чтения и письма, совсем не так трудно перейти к новому правописанию, как может это показаться вначале. Изменения произошли незначительные, и привыкнуть к ним совсем легко, если к тому есть доброе желание. Достаточно прочитать три-четыре страницы нового текста, пописать по новому правописанию три-четыре часа, и вы увидите, что вы уже сторонник нового письма. Несомненно, принятые упрощения облегчают нам работу.

Публикация Т.М. Григорьевой